

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка¹*Посвящаю сказку о «Минотавре» Вареньке
Соловей, вдохновительнице и соавтору.***Глава двадцать первая,**
*в которой Парис беседует с Афродитой
и получает доступ к Замку*

— Сиди тут и не подавай сигналов, — кузнец втокнул Париса в помещение, которое мальчик тут же про себя назвал «пещерой», — я доложу о тебе.

Уходя, кузнец равнодушно пнул почти незаметный выступ у входа — пол вспучился уже знакомыми Парису сиденьями-грибами. Теперь Парис мог устроиться поудобнее и более или менее спокойно изучить обстановку.

В «пещере» ничего не было, кроме нескольких кресел-грибов. Пол, потолок и стены мягко светились ровным желтоватым светом. Но Парис уже знал, что пустое помещение по малейшему движению божественного пальца легко наполняется чем угодно — от благоухающих цветов до ядовитых болотных кочек. После того, как Гефест² — Парис, разумеется, догадался, кто из бессмертных встретил его в святилище, — вышел из «пещеры», вход в неё моментально затянулся белёсым туманом.

Парис, конечно, помнил о Дедале, но по мере того, как он привыкал к мерцанию полупрозрачного вещества, составлявшего «пещеру», разум его погружался в состояние напряжённого полусна, в котором его ничто не беспокоило. Даже тревожные мысли о Вере.

Вот из стены напротив вышла высокая стройная женщина с головой львицы. Афродита!

— Мальчик! — в голосе Анадиомены Парису слышались хоть и ласковые, но всё же сердитые нотки. — Рановато ты сюда пожаловал... Впрочем, Урания высокого мнения о тебе. Может быть, как раз — настало время. Расскажи-ка, что ты узнал о Тесее.

— Он... — Парис постарался сосредоточиться, хотя в присутствии богини это было нелегко. — Он ничего не знает о намерениях Афины, но готов безоглядно следовать любым её приказам. Правда... теперь у него есть Ариадна. И если приказы Афины будут противоречить судьбе Ариадны... у него разорвётся сердце! Хуже всего, что этот узел

будет преследовать его в веках, пока он не сумеет развязать его. Или разрубить. Выбор прост: или Афина, или Ариадна.

— Не находишь ли ты, мой маленький друг, что мы должны помочь ему? Мы же любим прекрасного юношу, не так ли?

— Всецело повинуюсь воле богов, пресветлая Афродита. ... — Парис соскользнул с кресла и припал щекой к благоухающему плащу богини. — Но судьба Тесея настолько сплетена с предназначением его родины, что вряд ли нам удастся нарушить эту связь.

— Да ты и вправду вырос, мой мальчик! За какие-то несколько земных суток... О! Урания знает своё дело. Как же нам быть? Тесею предназначено стать толчком к запуску Большой Беды. Мы должны этому помешать! Во что бы то ни стало. Как думаешь, что можно сделать, чтобы он перестал слушать Афины, а слушал бы только голос любви, мой голос?

Парис смутился. Он и вправду не знал, что ответить. Тесею в будущем предстояло стать причиной длинной цепи всевозможных катастроф, и для бессмертных, желающих предотвратить бедствия, не было никаких причин теперь оставлять в живых молодого афинского царя. Афродите это было известно, но знание печалило её несказанно. — Надо найти другой путь, — нежный голос богини звучал так, что возражать не хотелось.

Афродита помолчала, но вдруг решительно произнесла:

— Знаешь, дитя... полагаю, пришла пора тебе по-настоящему стать одним из нас. Не уверена, что Зевс одобрит этот шаг. Но... что бы ни случилось, ты будешь с нами. А мы... мы готовимся к дальней дороге.

Парис весь сжался под её проникновенным взглядом. Афродита, разумеется, видела это, но продолжала:

— Мы любим этот мир. Мы приспособили его для себя, стараясь ему не навредить. Это стоило

1. Окончание. Начало и продолжение в «ДиН» №6/2022, 1–2/2023.

2. Гефест — бог подземного огня, кузнечного ремесла и технической мысли в Древней Греции.

огромного труда. Мы вложили в эту красоту, в эту свободу и в эту радость столько сил, столько борьбы и боли, что, поверь, иногда мне даже мысль о том, что от всего этого необходимо отказаться, кажется невыносимой. Но так надо! Наша работа—при всём стремлении избежать ошибок—принесла множество непредвиденных последствий. И теперь Земля—величественная и благодатная Гея—может прекрасно обойтись и без нас. Хотя...—Афродита задумалась на мгновение,—что бы там ни говорили мойры³, мы ещё повоюем, да-да! Но для того, чтобы стать вровень с задачами, которые тебе придётся решать, ты должна пройти—согласна!—мучительный, но очень важный обряд. По собственному желанию! Скажи, Парис, желаешь ли ты совершить *переход* для спасения людей?

Парис опешил: а как же Вера? А Тесей? А Ликаон, Маврис, Талло, Койна? Дедал?... Он ведь обещал Икару найти Дедала!

— Мне придётся их покинуть навсегда?

— О Вере не беспокойся,—Афродита усмехнулась,—её жизнь уже вписана в Книгу Бытия. Как бы ни складывались обстоятельства, эти записи никому не под силу вычеркнуть, эти страницы никто не может вырвать или переписать. А мы с тобой—да-да, мой юный друг,—мы... на острие стрелы... на перепутье... Поэтому—решайся! Хочешь ли ты...

— Да,—сказал Парис.—Для спасения людей—да.

А сам подумал: «В который раз ты говоришь им „да“? Но только теперь, кажется, делаешь это осознанно».

Афродита вздохнула—то ли разочарованно, то ли с облегчением.

— Вера всегда говорит «нет». Ты всегда говоришь «да». Что у вас общего?—богиня щёлкнула пальцами, и перед ней вырос узкий чёрный цилиндр с белым диском наверху.—Поверь, ты останешься человеком. Разве что... я бы сказала—вернёшься к самому началу. Не бойся.

— А я и не боюсь!

Неправда! Он очень боялся. Его трясло от страха. И не зря. «Пещера» вдруг сузилась до ощущения каменного ящика. Парис едва успел зажмуриться—в глаза ударил сноп белого света, тут же рассыпавшегося на мириады сверкающих разноцветных точек. Мальчик едва успел вдохнуть—и задохнулся, замахал руками, перевернулся в пустоте вниз головой и—погрузился в глухую беспрсветную тьму. Но ненадолго.

— Саша-а-а,—кто-то звал его, называя знакомым именем,—Са-аш... Просыпайся, Сашуля...

Он почувствовал знакомый резкий запах и лёгкие шлепки по щекам. Парис открыл глаза и увидел склонившееся над ним милое женское

лицо. Он чуть не упал, попытавшись подняться с кресла, на котором полулежал, вытянув руки вдоль тела и запрокинув голову.

— Погоди-погоди, не так быстро, дитя моё...

Это был голос Афродиты. Конечно! Это она! Её голос, её лицо, её платье—точно такое, в каком она только что разговаривала с ним. Только теперь она была сама по себе, по-человечески, и—главное—ростом не выше любой дамы из Дворца.—Осторожно... вот так...—Афродита взяла его за руку и помогла подняться.—Поздравляю, мальчик! Ты прекрасно справился с переходом. Далеко не каждому это удаётся столь успешно с первого раза.

Парис действительно не чувствовал каких-то поразительных перемен вокруг. Немного удивляли разве что размеры предметов и тел—мальчик уже привык к огромности всего, что окружало бессмертных. Теперь же он был среди вещей, вполне соизмеримых с его собственным телом. Даже прекрасная Афродита, пожалуй, лишь на голову его выше. Она обняла его, не наклоняясь, и он уткнулся носом в её благоуханную шею. Да-да! Никакая не голограмма! Живая, тёплая...

Что же произошло?

— Ничего особенного,—Афродита отозвалась на его мысли, будто на самом деле услышала их,—просто переход. Ты перешёл в пространственно-временной континуум «Тауруса». Если угодно, стал бессмертным... хотя это смешно и неправда, разумеется. Бессмертия нет. Есть множественность переходов. Впрочем, не время сейчас рассуждать об этом. Пойдём—я покажу тебе «Таурус». Заодно снова поищем Дедала. Пока не удалось его обнаружить, к сожалению.

— Как же теперь буду я называть бессмертных?

Парис замялся... ему хотелось спросить, что за имя, обращённое к нему, он слышал при рождении... Может быть, этот звук—просто бред, большая грёза... но, возможно, это его новое имя? Он не знал, как спросить, чтобы не показаться сумасшедшим или дурачком...

— Зови меня Ладой, мой друг,—улыбнулась Афродита,—это самое приятное из моих имён. А тебя теперь зовут Александр.

Парис озадаченно кивнул.

Перемещение по «Таурусу» совершалось весьма забавным и своеобразным способом. Парис заметил, что любые изменения пространства вокруг происходили по желанию. Стоило только ощутимо его проявить. Топнешь—пол вспучится грибообразными сиденьями. Махнёшь рукой—стена станет прозрачной или, наоборот, затянется туманом. Щёлкнешь пальцами правой руки—откроется вход справа. Если левой руки—то слева. И так далее. Мальчик не заметил, что сделала Лада Афродита, но вдруг ощутил под ногами движущееся полотно. Он чуть не упал от неожиданности, но его прекрасная спутница, стоявшая рядом, бережно

3. Мойры—богини судьбы в Древней Греции.

подхватывала его под локоть, и они поплыли по бесконечному лабиринту переходящих друг в друга светящихся туннелей, то расширяющихся до размеров площадей с высокими куполами и сверкающими арками и галереями, то сужающихся в виде коридоров, сквозь стены которых смутно проступали предметы каких-то необычайных жилищ. — Смотри, Саша, — Парис вздрогнул: значит, не приснилось... она действительно назвала его так... ну ладно, пусть... Александр... Сандро... Саша... — смотри: здесь работает Гефест. В его ведении все механизмы, все устройства, вся энергия «Тауруса». Ведь ты уже понял, мой мальчик, что «Таурус» — не просто святилище, не только храм. Это огромная умная машина. Корабль. Мы готовим его к большому путешествию. Долгая, трудная, очень сложная работа. До её завершения ещё очень далеко, но она будет закончена.

Парис кивнул. Он уже имел удовольствие познакомиться с Гефестом.

Между тем гостеприимный «Таурус» перемещал их в своём пространстве, открывая туннель за туннелем — вверх и вниз, вправо и влево... Афродита показывала юному гостю разноцветные залы, уютные уголки для отдыха, мастерские для научной работы и творчества художников... Наконец, у Париса от усталости стали подкашиваться ноги и слипаться глаза.

— Почему здесь нет бессмертных? — чтобы прогнать сонливость, робко осведомился мальчик. — Кроме тебя, я видел только Гефеста.

— Потому что бессмертные на работе, — засмеялась Лада Афродита. — Неужели ты думаешь, что мы тут сидим и предаёмся сладкому безделью? Нет. «Таурус» ждёт своего часа и время от времени собирает нас всех, как в родном доме. Но живём и трудимся мы среди людей. Здесь, на «Таурусе», только мастер Гефест с небольшой командой сотрудников — куретов и дактилей — да несколько нимф, поддерживающих уют и порядок. Э-э-э... да я вижу — ты совсем устал...

Движущееся полотно остановилось и совершенно слилось с покрытием пола.

— А теперь я покажу тебе, как из туннеля пройти в соседнее пространство — зал, коридор или каюту, — Афродита вытянула руку перед собой и... исчезла... — Иди сюда! — услышал Парис, сделал то же самое — и оказался в комнате, чем-то напоминавшей ему мастерскую Урании в храме Созерцания. — Поищем Дедала, — Афродита расположилась в грибообразном кресле, которое «Таурус» любезно предоставил ей по щелчку.

На стене перед ней замелькали какие-то знаки, лица, строения...

— Нет... нет... Под Солнцем и под Луною на земле Дедала нет... С царством Посейдона всё неопределённо... а в Элейсоне — как всегда — темным-темно... он жив! Жив! Но очень надёжно спрятан.

Парис огорчённо вздохнул. Впрочем, не слишком тяжко. Он уже откровенно клевал носом. — Ах, на сегодня довольно... — Лада Афродита заметила его состояние, взяла за руку и потянула за собой.

Снова замелькали туннели, залы и переходы. Только раз внимание Париса привлекло особое светящееся пятно на стене, и он осмелился спросить о нём.

— Там Кинетрий. И не спрашивай об этом никогда. Ни у кого. «Таурус», спальню для мальчика, — наконец, приказала она, войдя вместе с Парисом в маленькую белую комнату, в которой ничего не было, кроме пола, стен и потолка. Ни окон, ни дверей.

— Отдыхай, Сашенька, — Лада Афродита погладила Париса по голове, обняла его, потом, отстранив от себя, внимательно посмотрела ему в глаза и погрозила пальцем. — И, пока не привык к здешним порядкам, не слишком своевольничай, договорились?

— Да, — только и вымолвил Парис, и Афродита удалилась сквозь стену.

Задумавшись над замечанием высокой покровительницы, Парис не заметил, как белая комната начала меняться. Пол быстро покрылся свежей зелёной травкой, вместо потолка над головой раскинулось вечеряющее сиреневое небо с розовыми прядками облаков, углы заполнились кудрявыми кустами, а прямо перед ним — выросло то самое дерево, под которым он впервые увидел Веру... Да-да! Он спал под этим деревом, а Вера разбудила его, пощекотав ему нос травинкой... как давно это было! Однако обдумывать все эти чудеса у мальчишки уже не было сил. Как подкошенный, упал он на мягкую тёплую травку под деревом и крепко-крепко заснул.

Проснувшись, Парис некоторое время не мог понять, где он. Комната снова изменилась — теперь она была точь-в-точь похожа на пещеру Урании. Парис огляделся и сразу вспомнил произошедшее с ним вчера. Хотя... сколько же он спал? Утро или вечер? А может быть, ночь? В комнате без окон, без дверей определить это было невозможно.

Внезапно он почувствовал приступ голода — урча от возмущения, его желудок потребовал еды.

«Если „Таурус“ по желанию своих работников устраивает удобные места для отдыха, может, он точно так же кормит проголодавшихся? — Парис в задумчивости потёр кончик носа. — Но как сообщить ему о том, что хорошо бы подкрепиться?»

Тут ему на память пришло, как Лада Афродита велела «Таурусу» приготовить ему спальню. Парис зачем-то вышел на середину комнаты, приветственным жестом поднял руку и громко произнёс: — «Таурус», еды!

По стенам и потолку побежали разноцветные волны. Потом пол перед мальчиком вспучился

грибообразной стойкой, на которой лежала вкусно пахнущая тёплая лепёшка с большим куском овечьего сыра и тут же — глиняная чашка с водой. — Вот это да! — восхищённо хмыкнул Парис, быстро съел предложенное и, не придавая значения предостережению Афродиты, безоглядно ринулся в эксперимент.

Он самозабвенно забавлялся с «Таурусом», перелетая с этажа на этаж, вторгаясь без спросу в разные помещения. . . один раз даже застал в одной из комнат высокую худую девицу, которая занята была какой-то непонятной работой — передвигала перед собой светящиеся фигуры: шары, кубы и пирамиды. При виде непрошеного визитёра девица сердито вскрикнула, взмахнула рукой — и Парис был немедленно отброшен в тоннель, где у него под ногами снова зашевелилось движущееся полотно. Неизвестно, сколько бы он ещё резвился так, если бы не заметил Кинетрий. По странному стечению мыслей он тут же вспомнил о Вере, о Дедале, о том, что ему вообще-то пора возвращаться к Урании.

Несколько раз он попытался пройти сквозь светящееся пятно — тем же самым способом, которым на «Таурусе» преодолевались любые преграды. Ничего не вышло! Здесь действовала какая-то другая закономерность. Афродита предупредила: не спрашивать об этом. Значит, сюда нельзя! Запретное место. Но когда мальчишек останавливали запреты?!

Парис подключил к исследованию все органы чувств: ощупал, обнюхал и даже пару раз лизнул поверхность вокруг светящегося пятна. Само пятно — в него Парис не побоялся засунуть руку — никак не воздействовало на тело, но пройти сквозь него было невозможно. Мягкая сила отталкивала претендента, как только он предпринимал попытку войти. Наконец, Парис лёг на пол и, прищурившись, стал изучать изгиб между полом и стеной. Что это? Он явственно различил низко-низко над полом всё те же разноцветные огоньки. Они были совсем крошечные, еле различимые. Значит, дактили и здесь трудились, помогая бессмертным. Это вход для них. Но как им воспользоваться? Кончик пальца Париса теперь захватывал все огоньки разом. . .

Ему почему-то и в голову не приходило, что он теперь *вровень* с бессмертными — их мир стал его миром, он вписан в их систему координат, а дактили. . . они там и остались, где были. И если он так *вырос*, то они для него пропорционально уменьшились, поэтому сигнализация, предназначенная для них, ему стала недоступна.

И так, и этак прикидывал Парис. . . наконец, отгрыз у себя на пальце тоненький кусочек ногтя и с его помощью попытался набрать знакомый

4. Ты уже догадался, читатель? Точно такой же щит видели Дедал и Вера в Посейдоновых шахтах. И это был, как ты, конечно, помнишь, вход в Элейсон.

код. Два зелёных, белый, красный. . . Ну? Нет. Не работало. А если так? Зелёный, два белых, красный? Нет. Парис понял, что дело небыстрое, и хотел было уже отступить. . . но вдруг очередная комбинация возымела действие. Вытянув перед собой руки, Парис проник в помещение, в котором всю противоположную стену занимал огромный круглый золотой щит с непонятными знаками, вписанными в концентрические круги по всей поверхности⁴. В центре щита мерцало и переливалось точно такое же световое пятно. Но теперь оно пылало холодным пламенем и, казалось, тягивало в себя всё, что к нему приближалось. Этакая скважина, дыра в инобытие. . .

— Нет в мире совершенства! — услышал Парис над самым ухом. — Как это понимать, дурное дитя?

Гефест осуждающе качал головой и сверлил нарушителя сердитым взглядом.

— Я только хотел. . . — пролепетал Парис.

— Мало ли чего ты хотел? — Гефест (ростом он был теперь не выше Ликаона) схватил было мальчишку за ухо, но тут явилась Афродита.

— Оставь его, Гефест. Я сама с ним разберусь.

— Твоя воля, но и отвечать, если что, будешь ты, — проворчал Гефест и, беззвучно негодуя, удалился.

Парис стоял перед ней, опустив очи долу и не смея пошевелиться.

— Разве я не предупреждала тебя, чего нельзя делать ни в коем случае? Понимаю: тебе нечего ответить. Но, Саша, приближаться к Кинетрию смертельно опасно! Если бы Гефест не заподозрил неладное. . . — голос Афродиты дрогнул — Александр! Я прошу. . . приказываю: ничего не предпринимай без разрешения! Ты пока ещё глух, слеп и катастрофически несведущ, чтобы вторгаться в дела, где и высшие, бывает, заходят в тупик.

— Но. . . Кинетрий — это что? Как же я обрету осведомлённость, если не исследую всё, что мне доступно?

— Не понимаю, как ты вообще. . . э-э-э. . . получил доступ. . . Тут какие-то дела, которые только мойры знают. . .

— И всё-таки. Лада Афродита, скажи: что это такое?

— Это Замók, мой друг. Просто Замók. Он исправен. Но Ключ потерян. Гефест и Минос пытаются подобрать новый Ключ. Но пока не очень получается. — Что будет, если Ключ вставить в Замók?

— А вот это уже совсем не твоего ума дело, мальчик, — окончательно рассердилась Афродита.

— Я хотел бы вернуться к Урании, чтобы закончить обучение, — робко прошептал Парис.

— Хотел бы. . . ну и отправляйся к ней. Только имей в виду, что твоя жизнь среди людей закончилась. Ты не сможешь дышать с ними одним воздухом и принимать ту же пищу, которой питаются они. Ты — не вполне человек, Александр. С точки зрения людей ты — бессмертен.

— Но как же?... — у Париса перехватило дыхание. — А вот так, — Афродита вывела рукой в воздухе какой-то сложный знак и подала Парису шлем-маску, — надеваем так, закрепляем так... чтобы снять, делаем вот это, чтобы надеть — вот это... Ну-ка, попробуй сам!

Парис закрепил на плечах тонкую серую пелерину, на которой держался шлем... несколько движений... раз-два... и перед смеющейся Афродитой предстал юный бог с головой воробья.

Глава двадцать вторая,

в которой Вера встречается с Прометеем и узнаёт о Ключе

Как только разноцветные точки, на которые рассыпался мир, собрались перед глазами Веры в более или менее связную картину, она увидела прямо над головой бледно-лиловое небо и серебристое пятно на нём, от которого исходил искусственный свет (вроде того, который дают люминесцентные лампы). От этого «солнца» тепла было мало, оно, скорее, не грело, а создавало комфортную температуру.

Вера села в траве, сразу ласково обвившей её колени, и тут же обнаружила Дедала, который, старчески кряхтя, поднимался на ноги рядом.

— Ну-ну, — сказал Дедал, — Квази-Сварг на месте... ага! Вот и Мун, смотри, Вера!

Дедал ткнул пальцем куда-то влево, и Вера увидела второе «солнце» Элейсона — голубоватый Мун. Он был гораздо меньше Квази-Сварга и поднимался над горизонтом робко, но неотвратимо. — Не думал я, — вздохнул Дедал, — что мне при жизни доведётся увидеть чудеса Элейсона. Но, может быть, я уже и не жив? Может быть, мы умерли? А, Вера?

— Не знаю, как ты, мастер, но я-то... жива! — усмехнулась Вера. — Пойдём! Кому-то из бессмертных очень нужно, чтобы мы тут... поработали.

— Ай да дитя! — Дедал даже закашлялся. — Благословенны же времена, которые рождают таких чад! — Полно, полно, мастер... Пойдём! Вот и дорога видна.

Действительно, в траве явственно обозначилась стёжка, протоптанная прежде множеством ног. И они побрели куда глаза глядят по бледно-зелёной травке широкого луга, пока всё вокруг не заполнилось туманом и прямо возле ног не зашевелилась тёмная с желтоватыми отсветами вода. Странники поневоле остановились и стояли так, напряжённо вслушиваясь в тишину, пока вдали не показались приближающиеся мутные пятна света и не стали слышны равномерные постукивания, скрипы и всплески.

— Эй! Кто там? — послышался хрипловатый, но привычный голос — и перед нашими героями предстал высокий худой старик с бородою до пояса

и с такими глазами, которые даже в тумане, кажется, пронизывали собеседника насквозь.

Старик стоял в ладье, плавно покачивающейся на тяжёлых зеленовато-чёрных волнах. В правой руке он держал длинный-предлинный шест, а в левой — излучающий жёлтый свет фонарь, в круге которого Вера и Дедал почувствовали себя едва ли приятнее, чем в тюрьме Посейдона.

— Харон! — дрогнув голосом, воскликнул Дедал. — Харон, дружище, неужели не признал?

— Дедал? Как тебя угораздило? — искренне изумился Харон, на мгновение утратив привычную невозмутимость.

— Это долгая история, — Дедал явно был в замешательстве, что не часто с ним случалось. — Поверь, Гея в опасности. Готовится что-то ужасное.

— Насколько ужасное? — высокомерно осведомился Харон.

— Невообразимо... — Дедал обессиленно опустил-ся на траву.

Харон, вопреки обычаю, пришвартовал лодку к невидимому в траве столбику, стволу или стеблю, сошёл на берег и сел рядом с мастером. Они долго-долго и очень тихо о чём-то говорили, Вера не могла расслышать, до неё доносились только некоторые слова и фразы... «Уран... титаны... нельзя так рисковать... что же делать?... Ключ... Прометей... нельзя так... невозможно... катастрофа... предатели... сбегут и бросят... Ключ... Ключ... Прометей...»

«Какой Ключ? При чём тут Прометей?» — лихорадочно соображала Вера. Только слово «катастрофа» было ей вполне понятно, и от этого понимания сердце её болезненно сжалось.

— Идёмте, — Харон, наконец, встал и указал Дедалу на ладью.

...И вот они уже плывут в тумане по чёрной воде. Фонарь Харона время от времени выхватывал из мрачного пространства расплывчатые картины берегов: серебристые кроны деревьев, белые очертания дворцов и статуй, одинокие человеческие фигуры, отрешённо движущиеся среди ажурных, полупрозрачных строений... Но вот в тумане сначала засквозили серебристые лучи Квази-Сварга, потом туман постепенно стал рассеиваться, и, наконец, со всех сторон хлынул яркий белый свет — ладья Харона причалила к берегу.

Дедал и Вера сошли на берег и тут же им на встречу устремились всевозможные существа, которых Вера... не могла сразу и ден-ти-фицировать...⁵ крылатые... четвероногие... змееподобные... Если бы Вера не провела до этого момента изрядное время в Кноссе и его окрестностях, она бы точно сошла с ума от избытка невозможных с точки зрения Верениного современника объектов

.....
5. Идентифицировать — установить для чего-то неизвестного совпадение с чем-то известным.

наблюдения. Но у неё был уже некоторый опыт, поэтому она выбирала только, к кому из них можно обратиться.

Но как выбрать? Крошечные—ангелочки не ангелочки, эльфы не эльфы—с человеческими личиками и ручками, стрекозиными крылышками и насекомыми тельцами роились вокруг новых пришельцев и норовили выдернуть по волоску у Веры из растрёпанной косы, у мастера Дедала—из бороды, и Вера уже думала, пожалуй, только о том, как от них избавиться. Она попыталась отломить ветку у ближайшего дерева, но оно вдруг взвыло, как иерихонская труба⁶ (ой, откуда эта «труба» влетела ей в голову?), и послало Веру по известному адресу, словно то не дерево было, а какой-нибудь бандит с большой дороги. Так что отмахиваться от назойливых спутников пришлось руками. Это неприятное занятие на какое-то время отвлекло Веру от опасной неопределённости момента, но тут она услышала приближающиеся звуки—настолько необычные, но в то же время до боли знакомые, что ножки её сами собой споткнулись на ровном месте... Странно—как только она остановилась, насекомые существа оставили её в покое, скрывшись в траве, разлетевшись по кустам и деревьям.

—Что это?—Вера дёрнула за рукав устало молчащего Дедала.

—Ах, друг мой,—вздыхнул мастер,—кажется, нам повезло... Это Орфей, конечно. Кто же, если не он?

Орфей! Да-да... Эту историю Вера прекрасно помнила. И эту мелодию тоже. Вернее, самое её начало... вот эти несколько звуков:

Марина Олеговна тогда рассказывала об Орфее, волшебнике-музыканте, который звуками золотой арфы укрощал диких зверей, заставлял людей и богов плакать от горя и от счастья. И когда речь зашла о смерти возлюбленной Орфея—Эвридики, в классе зазвучала именно эта музыка, самое её начало... Только теперь мелодию выводил какой-то неведомый инструмент—флейта не флейта, арфа не арфа... и не человеческий голос... Что-то такое, отчего у Веры сжалось сердце и защипало глаза. Да и сама мелодия была та—и не та. Словно эти первоначальные звуки в каждую следующую минуту могли продолжиться совсем иначе, нежели ожидала Вера. В них, в этих звуках, словно бы таилась вся лучшая музыка, которую до этих пор слышала и знала Вера—и «Лунная соната», и вальсы Шопена, и «Ave Maria», и даже что-то из

репертуара Уитни Хьюстон... Но именно—таилась, словно цветок в нераскрывшемся бутоне или травинка в семечке.

Дедал и Вера замерли, не смея пошевелиться, пока звучит музыка, но вот она оборвалась: идущий навстречу заметил их, перекинул за спину ремень со своим волшебным инструментом и приветственно поднял руку.

—Дедал... неужели ты рискнул?..—Орфей, не скрывая тревоги, тем не менее дружески обнял мастера.—В твоём возрасте трансгрессировать снова и снова...

—Нынче не по своей воле, Орфей...—недобро усмехнулся Дедал.

—Юная гостья тому виной?—Орфей без малейшего стеснения уставился на Веру.

—Может, и так,—мрачно откликнулся Дедал,—хотя причины и следствия...

—Да-да,—нетерпеливо перебил Орфей,—идёмте. Персефона ждёт.

С этими словами он провёл раскрытой ладонью над поверхностью земли, и почва под ногами путешественников приподнялась, вспучилась, и в мгновение ока они оказались как бы на движущейся дорожке—да-да! Это было так же, как на «Таурусе», только Вера никогда не была на «Таурусе», зато она прекрасно знала, что такое траволатор в аэропорту, поэтому не очень-то и удивилась.

Дорожка упруго дрожала и негромко гудела у них под ногами. Вера озиралась по сторонам, и ей иногда удавалось поймать взглядом за деревьями, пригорками и встающими над зубцами гор облаками смутные, но более чем знакомые очертания... Ну... вот это—что? Пирамида Хеопса... мелькнуло—и растворилось в воздухе... А это? Сфинкс с человеческим лицом в лиловых кудрях и с львиными лапами... А здесь? Колонны Парфенона? Вера с чувством глубокого удовлетворения убеждалась, что узнаёт еле видимые, мгновенно исчезающие черты строений, сооружений, колонн и статуй. Вот Эйфелева башня. Вот статуя Свободы в угрожающем колючем венце, с чёрным факелом в руке. А это... ой-ё-ёй... что это? Краеведческий музей в Красноярске? Не-е-ет... это... ах, промелькнуло... не успела разглядеть... А это? мост? Точно! Вантовый мост с набережной Енисея на Татышев остров! У Веры закружилась голова... точь-в-точь как в раздевалке—там, в покоях кносского Дворца... когда ей на мгновение показалось, что сидит она хотя бы шаг вперёд—и чары древнего Крита исчезнут и она окажется дома, в своей комнате или на балконе, откуда неведомая всемогущая сила... Впрочем, хватит растрчивать бесценное время по пустякам! «Сосредоточься на главном, Вера!»—сказала она самой себе как раз в тот момент, когда дорожка остановилась у подножия высокой-превысокой горы.

6. Звуки труб разрушили стены города Иерихона, о котором рассказывает Библия.

Она возносила, подпирая подземные небеса, высоко-высоко и соединяла — как позже узнала Вера — своей вершиной мир Аида Гадеса с миром Зевса Эгиоха. Из середины горы низвергался сверкающий водопад, обдающий свежестью простирающееся во все стороны разнотравье.

— Располагайтесь, — сказал Орфей, — вас примут Олимп гостеприимен.

— Это — Олимп? — шёпотом изумилась Вера.

— А как ты его себе представляла? — холодно отозвался Дедал.

— Не так, — сказала Вера, но тут же поняла, что в сложившейся ситуации лучше держать язык за зубами.

Дорожка, с которой они сошли на траву, вдруг снова пришла в движение, приподнялась, плавно изогнулась в нескольких местах и образовала две аккуратные скамейки, которые приглашающе качнулись и замерли у ног неожиданных гостей. — Садитесь, — Вера услышала позади скрипучий старушечий голос и, обернувшись, убедилась, что её ожидания опять не оправдались.

«Баба Яга? — подумала она. — Нет... Откуда?»

— Вот и они, Персефона, — Орфей сделал несколько шагов навстречу хозяйке Элейсона.

— Вижу, — Персефона опустила ее на скамью и тяжёлым недоброжелательным взглядом обвела Веру, не обратив при этом на Дедала никакого внимания.

Персефона была похожа на старое морщинистое дерево, согнувшееся от времени, опутанное плющом, с вороньим гнездом вместо причёски, с целым клубком змей, извивающихся вокруг шеи. У ног её тёрлись две кошки — белая и чёрная. Прежде Вера не видела кошек на Крите, но рядом с хозяйкой Элейсона они даже не вызывали удивления, словно были частью её, такой же как тёмно-красный хитон и колючий терновый веночек вместо короны. — Ну-с, гостя незваная, — Персефона произнесла это, поджав губы и презрительно сощурилась, но в её голосе Вера уловила что-то одновременно ласковое и угрожающее, — вот всё и сошлось.

— Что сошлось? — робко вымолвила Вера.

— Дай-ка руку, — приказала Персефона и протянула свою.

Дедал не успел вмешаться, и Вера послушно вложила руку в сухую горячую ладонь старухи. Она почувствовала толчок — вроде того, который сделал её деревом. Только на этот раз в ответ на толчок всё её существо сначала сжалось, а потом затрепетало и словно бы превратилось в гудящий поток.

Дедала и Орфея охватило непреодолимое ощущение, и они только беспомощно смотрели, как преобразается Персефона, а вместе с ней меняется Вера.

Лицо хозяйки Элейсона разглаживалось, розовело, молодело, волосы приподнялись и улеглись вокруг лба и щёк прелестными завитками, терновый веночек зазеленел и покрылся алыми розами,

губы налились влагой и покраснели, тело распрямылось, змеи сделались цветочными гирляндами, разноцветными лентами и шарфами, зловещие кошки замурлыкали и вытянулись на травке, жмурясь на бесстрастные лучи Квази-Сварга.

Спустя несколько секунд Персефона выглядела как юная девушка в самом расцвете чарующей красоты, а Вера вся съехала, зачухла, побледнела и была уже близка к обмороку.

Дедал всё-таки смог толкнуть Орфея локтем в бок, тот вздрогнул, левую руку прижал к сердцу, правую — к горлу, возвёл глаза к небу и запел. Голос певца то возносился до самых высоких нот и звенел, как птичья трель, то падал до суровых басов; в песне его была такая боль, такая нестерпимая мука, что слёзы сами собой полились и у Дедала, и у Персефоны, словно вспомнила она безутешную матушку свою, Деметру, и обещание, данное Зевсу, и весь покинутый мир земной, который, вопреки выдумкам людей, ей никогда уже не увидеть... Рыдая, Персефона выпустила руку Веры и принялась отирать заплаканное лицо зелёной в жёлтый горошек лентой, свисавшей с венка на её голове. Пока она так обливалась слезами, всхлипывая и сморкаясь в рюши и оборки своих восхитительно ветхих одежд, Вера переводила дух, без сил распластавшись на траве.

Наконец Орфей вынырнул из творческого экстаза, оценил обстановку, замолчал и уставился на Персефону понимающим, но требовательным взглядом.

— Ах, какая свеженькая душа, — расстроено уронила Персефона. — Поверь, Дедал, я не могла удержаться. Миллион зим и миллион земных лет не встречались мне такие свежие души. Теперь я словно вернула себе — себя, такой, какой я была до первой трансгрессии. Ненадолго. Но всё же.

— Да ты убила её! — вскричал Дедал. — Вера — дитя во плоти. Настоящее! Что теперь будет?

— Полно, — вздохнула Персефона, — дело поправимое.

С этими словами она трянула широченным подолом платья, и откуда-то, наверное, из какого-нибудь кармана, выкатился на траву ярко-алый с золотистыми прожилками гранат. Он был настолько спелый, что Персефона легко разломилась его, высвободив блестящие, полные пурпурного сока зёрна. Хозяйка Элейсона опустила на траву, приподняла Верину голову, положил её себе на колени, и стала выдавливать половинку граната прямо в полуоткрытый рот непрощёной гостью. Сок побежал упругой струйкой, и Вера даже чуть не захлебнулась сначала, но постепенно — глоток за глотком — ей стало легче дышать, руки и ноги налились прежней силой, и вот она уже сидит рядом с Персефоновой и недоверчиво всматривается в её чудесно помолодевшее лицо.

— Ох-хо-хо,— бормотала Персефона, глядя куда-то поверх Вериной макушки,— разыскал же Аполлон Феб тебя, горюшко ты моё самоварное... Мы-то думали— ерунда, труд напрасный. Но он сделал это. Наобум, как всегда. Вроде как— вяжемся в драку, а там— будь что будет.

«Это так свойственно бессмертным, вот это самое „будь что будет“»,— подумала Вера, но снова благоразумно промолчала.

— Но, дитя, ведь не Птицеголовый направил тебя напрямиком в Элейсон?— Персефона уставилась наконец прямо Вере в глаза.— Это... невозможно! Дай-ка руки— взгляну, что начертали на них мойры-рукодельницы.

Вера поспешно спрятала руки за спину— и тут же услышала:

— Да не бойся ты!— Персефона неприятно усмехнулась и добавила:— Мне от тебя уже ничего не нужно. Кроме правды, разумеется.

— Покажи ладошки, Вера,— Дедал помог девочке подняться и крепко обнял её за плечи.— Минутя здешних бессмертных, нам отсюда всё равно не выбраться. А выбираться надо! Так что не смущайся— покажи!

Вера вытянула перед собой обе руки ладонями вверх и зажмурилась.

— О! да у неё «фебово око»!— воскликнула Персефона.— Редчайший дар! Врождённый! Ай-я-яй: даже оба! Одно дремлет, другое— спит. Так вот почему...

Вера открыла глаза и хотела тут же рассказать про магравд, но Дедал, видимо, догадавшийся о непроизвольном порыве юной спутницы, сильно сжал её правое плечо, и девочке расхотелось вмешиваться в разговор.

— Тем более странно,— Персефона испытующе взглянула теперь уже на Дедала.

— Через Посейдоновы шахты,— ответил тот на безмолвный вопрос хозяйки Элейсона.

Персефона недоверчиво покачала головой:

— Она же не Геракл и не Персей, чтобы по собственной воле бродить по лабиринтам Посейдона; да и ты, Дедал, полагаю, вовсе не Геракл...

— Такова была воля богов,— мрачно откликнулся Дедал,— не нам толковать её. Тем более— ей противиться.

— Ну-ну...— ещё более неприятно усмехнулась Персефона.— Разберёмся. Здесь, по крайней мере, вы точно ничего не натворите. Впрочем, и с вами более ничего не случится. Это Элейсон, дети мои. Здесь никогда ни с кем ничего не случается.

Тут она рассмеялась— жизнерадостно и зловеще, с явным облегчением вымолвив:

— Ну так и ступайте куда хотите. Куда глаза глядят. Ни пища, ни убежище вам не потребуются. А для благостных бесед и умственных упражнений— Орфей вам в помощь. Прощайте.

С этими словами она топнула по траве, которая немедленно приподнялась под её ногами,

превратившись в движущуюся дорожку. Персефона ещё раз обвела Веру изучающим взглядом и, не оборачиваясь, исчезла в наползающей на олимпийское предгорье мгле.

— Что дальше?— спросила Вера, с нарастающей тревогой глядя ей вслед и ни к кому специально не обращаясь.

— «Фебово око»...— задумчиво произнёс Орфей, ласково прикоснувшись к Вериной макушке.— Кажется, я начинаю что-то понимать. Не о тебе ли, Вера, вещал Прометей перед тем, как уединиться в Нефритовой пещере и замолчать навсегда? Он говорил: настанет день— и явится Несущая Свет от посланников Сварга. Тогда развяжутся все узлы, раскроются все тайны и либо миру придёт конец, либо обернётся конец началом, совершив полный круг и вернувшись к источнику жизни. Правда, тогда Прометей был уже не в себе. Потерял рассудок от обиды, нанесённой Зевсом. А кто будет слушать сумасшедшего? Но, возможно, как раз надо было послушать.

— А сейчас?— не сдержавшись, воскликнула Вера.— Что— сейчас?— осторожно переспросил Орфей.— Сейчас— Прометея послушать?

Орфей как-то очень картинно... поник головой.— Он давно не в себе, Вера. Кто бы отважился говорить с *таким* безумцем? Ты... ведь не представляешь себе, конечно, каков теперь Прометей. Думаешь, это такой героический герой... Страдалец за людей. Но позволь заметить...

— Стоп!— вскричал наконец Дедал.— Не надо ей ничего навязывать. Вера здесь как раз потому, что её суждение непредвзято! Пусть сама смотрит и сама решает, что хорошо, что плохо. Что— безумие, что— мудрость и святость.

— Ты-то в своём ли уме, Дедал? Живое дитя— в Нефритовую?

— Почему бы и нет? Мы с ней Посейдоновы шахты прошли, Цербера, можно сказать, приручили. Ей ли, Вере, сумасшедшего титана испугаться?

Орфей в полнейшем недоумении пожал плечами, на минуту задумался, прислушался к чему-то внутри себя...

Если Нефритовая пещера и была на что-то похожа, то вовсе не на пещеру. Тёмная расщелина среди камней, уходящая в невообразимую бездну, возникла прямо у них под ногами, словно из ниоткуда. Лучи Квази-Сварга, понемногу спускающегося к верхушкам кудрявого леса, неровно, мимолётными влажными бликами, скользили по идеально отполированным краям обрыва, над которым лёгким сизым маревом стлался туман, щиплющий глаза и оставляющий горечь на губах. Полупрозрачная дымка то втягивалась вглубь, то взвивалась вверх тонкими водянистыми вихрями, словно кто-то огромный судорожно вздыхал там, в глубине... Вере даже послышались то ли стоны, то ли хрипы, сопровождавшие непрерывное клубление.

— Там Прометей, дитя,— отозвался Орфей на её немой вопрос.— Что поделаешь... таков был его выбор. Захотелось бессмертному пострадать...— певец брезгливо сморщился и опустил голову, чтобы Вера не заметила, как исказилось его лицо.— Вы все его ненавидите, да?— Вера упрямо поджала губы, что означало: ни единому слову Орфея ли, Дедала ли она уже ни за что не поверит.— С чего ты взяла?— воспротивился было Дедал, но... поздно...

Вера подбежала к самому краю обрыва и, не раздумывая, шагнула вперёд... только ветерок свистнул вслед за её взметнувшимся платком...

Всё произошло так быстро, что девочка не услышала ни воплей Орфея, ни успокаивающих возгласов Дедала... Мгновение— и она, зажмурившись, приземлилась на что-то плоское, упругое и тёплое.

Её тут же обволокло влажным тёплым дуновением. Она осторожно приоткрыла правый глаз— перед ней едва заметно шевелились чьи-то огромные губы. Впору было снова зажмуриться. И крепче. Но Вера отважно разлепила веки и разглядела в полутьме два немигающих ока, каждое, пожалуй, побольше, чем самые крупные каменные лампы в кносском Дворце. Глаза слаба святились лиловым мерцающим светом— Вера не различила в них ничего угрожающего. Скорее, боль... да, это была боль огромного сильного существа, вынужденного смириться с неразрешимостью задачи, в которой заключён смысл жизни. Бесконечно долгой жизни.

«Прометей»,— Вера, скорее, подумала это, чем сказала, но тут же услышала ответ:— Кто ты? Зачем?

Она полулежала на гигантской ладони титана, который, забыв о своих невыносимых муках, с любопытством рассматривал её, будто что-то вспоминал.

— Я— Вера,— сказала Вера и, на мгновение задумавшись, протянула правую руку куда-то в пустоту со слабой надеждой, что её жест будет истолкован как надо.

И— что это?! Погасшее перед входом в Элейсон «Фебово око» сначала щекотно встрепенулось на её ладошке, а потом вспыхнуло так ярко, что осветило и огромное— чуть ли не во всю стену— лицо Прометея, и сами стены, по которым во все стороны золотой вязью побежали смутно узнаваемые письмена.

Вздох облегчения, который издал Прометей, словно ещё добавил света. Настоящие солнечные зайчики запрыгали по тёмным углам. Сияющее облако поднялось до самого края пещеры и озарило встревоженные лица Орфея и Дедала.

Вера привстала на ладони Прометея и помахала им рукой.

Дедал помахал ей в ответ. Орфей досадливо помотал головой. А Прометей нахмурился и вместе

с Верой на ладони отвернулся от назойливых пришельцев. Теперь он всецело был занят только ею, таинственной гостьей.

А Вере, конечно, было неловко. Она никак не ожидала, что Прометей— такой... Такой огромный, что целиком не рассмотреть. Она сидела у него на ладони, поджав под себя ноги, и боязливо ёжилась. Если бы титан заговорил с ней, так сказать, своим голосом, то оглушил бы её, наверное. Да так, что она ни слова не разобрала бы. Но в том-то и дело, что Прометей говорил, не раскрывая рта. Сообразительная девочка быстро догадалась, что золотая «бегущая строка» на нефритовой стене— не что иное, как обращённая к ней речь титана. Надо было только очень сосредоточиться, чтобы успеть понять.

— Прометей не верил, что Свет Несущая придёт.

Вера тут же отметила, что титан говорит о себе в третьем лице. Ну... ещё и не такие особенности бывают. Здесь. Решив не обращать на это внимания, Вера скромно ответила:

— Она пришла.

Всё огромное тело титана всколыхнулось, так что Вера чуть не свалилась с его ладони.

Но Прометей совладал с собой, сел под стеной, плотно прижавшись всем торсом к прохладному нефриту и приблизив к «фебову оку» свой небу подобный глаз (оба его глаза в этот момент Вера не могла охватить взглядом одновременно— вот какой он гигантский был, этот обиженный титан!).

— Луч Реи, матери богов, за сходство с солнцем прозван «фебовым оком»,— читала Вера знаки, бегущие по стене высоко над головой Прометея,— он Европе дан в награду за верность с правом наследования. Поэтому— Пасифая, вся святящаяся. Поэтому— Ариадна, правды искательница. Поэтому Вера— Фотинья⁷.

— Я сама его...— начала было жестоковывная Вера, но золотая вязь Прометеевой речи снова быстро побежала по стене.

— Дремлет «око» в бездне времён. Страх его будит. Смерть открывает.

— Смерть?— у Веры по спине побежали колючие мурашки.

— Беда близка,— подтвердили знаки на стене,— но Свет Несущая спасёт!

— Как?!— забыв об осторожности, закричала Вера.— «Фебовы очи» сомкнутся в круг. Змея укусит свой хвост. Завяжется в узел нить Ариадны.

— Какая змея? Какой хвост?

— За кругом— Ключ.

— Что за Ключ?

— Прометей забрал Ключ.

— За это Зевс отправил Прометея в Элейсон?— осторожно спросила Вера.

.....

7. Фотинья—светоносная.

— Прометей объявлен предателем! Удалился он сам в пещеру! Теперь Свет Несущая от Реи пришла— время настало. . .

— Почему же Рея сама. . . — начала было Вера.

— Она далеко, — Прометей не дал ей договорить, словно боясь упустить собственную мысль. — Рея доверила свет потомкам Европы. Минос риска не любит. За дочерей боится. . . да! Феб Аполлон Веру Фоти́ню призвал! Ради Ключа!

— Ой, это про меня, что ли? — вздрогнула Вера.

— Вера — верни Ключ «Минотавру».

Слова эти едва различимой золотистой вязью растеклись по иссиня-чёрным стенам пещеры. Вера заметила, что Прометей слабеет, теряет силы. — А дальше, дальше что? — заторопилась она. — Свет Несущая знает, что делать, — еле выдохнул Прометей.

Вера хотела — в который раз — крикнуть: *как?*

Но титан опередил её — осторожно накрыл левой ладонью правую, на которой сидела Вера, моментально оказавшаяся как бы под душным тёмным куполом. Что после этого сделал Прометей, Вера не видела, но снова почувствовала тот самый тяжёлый жаркий удар в самую середину тела, который — да-да! теперь она уже знала — предвещал очередную трансгрессию. Мир рассыпался на сверкающие разноцветные точки.

Последнее, что она услышала, — страдальческий стон Прометея и отдаляющийся зов Дедала:

— Вера. . . Вера-а-а. . .

Дедал продолжал звать её, но Вера уже знала, что больше никогда его не увидит.

Глава двадцать третья,

в которой Вера и Ариадна находят Ключ

— Ну-ну, — только и вымолвила Урания, когда Парис предстал перед ней в своём новом облике. — Невинные забавы Афродиты?

— Что-что? — не понял Парис, глядя свысока на мудрую наставницу.

Ему всё ещё было неловко чувствовать свою огромность рядом с предметами, окружавшими его теперь вне «Тауруса».

— Понимаешь ли ты, дитя, — строго сдвинула брови Урания, — что это путь в один конец? Ты никогда не станешь своим среди бессмертных, но и люди тебе теперь — чужие. Ты завис между мирами, друг мой. Но боги, видишь ли, поздно задумываются о последствиях своих поступков. Особенно Афродита.

— Это мой выбор.

Парис, конечно, уже догадался, что Урания права, но что ему оставалось? Он только кивнул воробыиной головой и пожелал вернуться к занятиям в храме Созерцания.

Там, в храме на горе Корфа, он смог, наконец, избавиться от надоевшей маски. Урания объяснила,

что на побережье и островах Срединного моря существует всего несколько таких мест, где можно создать общее для Тэрры и Геи-Земли пространственно-временное единство. Только там люди и боги — обходя фундаментальные законы Вселенной — могут общаться друг с другом. Одно из таких мест — Тира. Но даже здесь, чтобы дышать свободно, Парису пришлось — в отсутствие наставницы — полностью сменить воздух в обсерватории. Со всем остальным миром Геи боги связываются при помощи особых приспособлений, передающих изображения и звук (а иногда и силовое воздействие) на какое угодно расстояние. Парис вспомнил хижину, из которой, чуть не убив, унесла его Афродита, и только вздохнул: как давно это было! — А как же ты? — недоумевал Парис. — А другие музы, нимфы? Гиперборейцы, наконец? . . . Минос, Пасифая, Ариадна?

— Мы не боги, — Урания задумалась на минуту. — Уже не боги. Давным-давно титан Прометей помог Теосу-Зевсу осваивать Землю. Из вещества Земли он создал организмы, которые можно было соединить с личностями переселенцев. Мы стали землянами — то входя в новые оболочки, то выходя из них. Но настал момент, когда всем стало ясно, что Гея-Земля через созданные Прометеем тела — «сомы» — забирает души богов себе. Некоторые боги так испугались, что отреклись от участия, уготованной им Прометеем. Они перестали пользоваться «сомами», предпочли отойти в сторонку и, почти не вмешиваясь, наблюдать, как мы, не пожелавшие расстаться с Геей, будем тут управляться. Как видишь, мы поработали на славу. А бессмертные, кажется, с тех пор и озаботились идеей, как бы, не навредив ни себе, ни нам, всё-таки покинуть Землю. Не все, конечно. Есть такие, которые не желают считаться с жизнью, которая столь мощно и прекрасно разрослась на Земле. У них другая цель — превратить Гею в Тэрру. Это долгий, трудный процесс — тэрраформирование. Но он уже приведён в действие. Всё живое на Земле обречено ими на погибель. Однако Зевс и сотрудники «Минотавра» этого, конечно, не допустят. Рано или поздно Афине и Зевсу придётся договориться. Но как это будет, не знаю. Идёт игра. Кто кого перехитрит или опередит. Сейчас Афина ставит на Тесея. Вот почему нужно, чтобы Тесей перешёл на нашу сторону. Ведь пока он только неразумное орудие в руках врагов Земли. Впрочем, уже не вполне орудие и не совсем неразумное. — Но как же. . . бессмертие? — не унимался Парис. — Бессмертия нет, — Урания чуть ли не слово в слово повторила то, что Парис уже слышал от Афродиты, — просто у каждого из нас свой ритм и размер бытия. Порождения Геи бесконечно разнообразны — и в пространстве, и во времени. Даже не представляю, как существа, считающие себя столь высоко разумными, могут желать погибели этой

величественной красоты, этого изумительного разнообразия... этой множественности... этой...

Тут Парис понял, что Урания вот-вот разрыдается, и постарался прекратить разговор. Кое-что он всё-таки понял.

Несколько ночей, уединившись в обсерватории, он отчаянно искал следы друзей в непрерывном потоке знаков, хлынувшем на него со всех сторон.

Он увидел, что Вера, пройдя невероятные приключения, жива и стоит перед новыми испытаниями в Кноссе... это указание встревожило его. Но он узнал также, что Тесею, который благополучно вернулся на Крит, предстоит пройти одно из этих испытаний или вместе с Верой, или рядом с ней, или даже против неё.

А Вера... Вера в это время приходила в себя на верхней галерее башни Паратирис. Нужно признать, что на этот раз «переброска», или, как называли это Дедал, Харон и Орфей, трансгрессия, далась ей ой как нелегко. Мало того, что из-за головокружения Вера несколько минут не могла встать на ноги, так ещё и тошнота, с которой она едва справилась. Наверное, все здешние чудеса имеют собственный срок годности. И, похоже, у большинства из них этот срок подошёл к концу. Огорчительные мысли, наверное, какое-то время занимали бы нашу героиню, но она вдрут всем своим существом почувствовала присутствие Ариадны. Голос её второго «я» не произнёс ни слова, он просто вопил от радости, призывая всех смертных и бессмертных присоединиться к счастью!

Спустя несколько часов, когда обе мало-мальски успокоились, Вера попыталась более или менее внятно поведать Ариадне о том, что она пережила в Посейдоновых шахтах и в Элейсоне. Ариадна, конечно, и сама чувствовала её переживания и слышала её мысли, но эти переживания были так сильны, а эти мысли так беспорядочны, что им обоим пришлось немало постараться, пока всё, пережитое Верой, не сложилось в какую-то обозримую картину. Теперь нужно было сделать главное — истолковать загадочную речь Прометея. Вера запомнила её слово в слово: и про «фебовы очи», и про змею, и про «нить Ариадны», и про Ключ.

— «Фебово око»... Ну да. Кажется, именно так отец и называл это, — Ариадна раскрыла ладони.

Ладони как ладони. Ничего похожего на Верин «глазок» в них не наблюдалось.

— И? — Вера показала свои ладошки.

С тем же успехом.

— Ты не понимаешь, — терпеливо объясняла Ариадна, — чтобы «фебово око» открылось, нужны особые условия... хотя бы какое-то настроение особенное. Сильное чувство. То, что вдохновляет. Даже страх и отчаяние. Разве не так?

— Но я же...

— Да-да. Ты сама его нарисовала. Но — вспомни! — магравд! Он сделал всё, что нужно, когда ты этого захотела. Если бы «фебова ока» не было у тебя изначально, оно и не открылось бы никогда.

— У кого ещё...

— Только у нас, — Ариадна даже не дала ей договорить, потому что сама только что об этом догадалась. — Так вот почему... вот зачем... ни у кого из наших родственников — ни теперь и, скорее всего, никогда в будущем — «фебово око» не открылось... только у нас... потому что...

— Потому что ты и я — одно и то же, — прошептала Вера...

— Совпадение — одно на миллиард... на сто миллиардов... — Ариадна зажала рот ладошкой и огляделась по сторонам. — То-то бессмертные так... встрепенулись...

— Что же нам делать? Прометей сказал: «Вера Фотинья знает, что делать». Но я не знаю! И волшебных карандашей у меня больше нет.

— Что ещё сказал Прометей? «Фебовы очи» сожмутся в круг. Что это значит? Ну-ка — поверни ко мне ладони!

Ариадна и сама так сделала: повернула руки ладонями к Вере. Правую — к правой. Левую — к левой. Обе зажмурились... и... ничего не произошло.

— Что не так? — озадаченно пробормотала Ариадна.

Вера только плечами пожала. Что-то не так.

Они взялись за руки — ладошка в ладошку. Крепко-крепко. Ну? Ничего.

— Тут нужно что-то особенное. Какое-то усилие... толчок. Знаешь что? Давай-ка спустимся в Лабиринт, в мастерскую Дедала, — наконец решила Ариадна. — Вполне возможно, что отгадка там.

В мастерской, на том самом месте, где Вере показывали созвездие Быка, собрались все, кто на тот момент работал в Лабиринте. Прибежал Икар, которому Вера, как могла, рассказала о своей встрече с Дедалом в Посейдоновых шахтах и о путешествии в Элейсон. Тут же, на месте, оказались драгайна Зои, дактили Миа и Дуо... и, конечно, Тесей, который за эти несколько дней стал почти таким же сотрудником «Минотавра», как Зои.

А та ловила каждый взгляд, каждое слово Ариадны и беспрекословно слушалась её.

Икар пребывал в горе и растерянности. Он был уверен, что найдёт отца! Но из Элейсона лишь чудом выбирают. Вот как Вера. И всё же надежда на возвращение мастера оставалась. Ведь это Дедал! Он обязательно что-нибудь придумает. А пока придётся управляться без него.

И они стали думать все вместе!

Ариадна и Вера старались изо всех сил — пожимали друг другу руки так и этак, складывали ладошки лодочками и растопыривали пальцы,

соприкасались мизинцами и тыльной стороной ладоней. Всё напрасно. Правда, Миа и Дуо, со всей тщательностью исследовав сеточку линий на коже той и другой — там, где открывались «фебовы очи», — обнаружили поразительную вещь: рисунки на ладонках полностью совпадают! Впрочем, это уже никого не удивило.

Когда экспериментаторы почти потеряли надежду что-нибудь понять, Зои осторожно спросила: — Что Прометей говорил про змею?

— Змея укусит свой хвост, — Вера без всякой задней мысли обвела драгайну любопытствующим взглядом.

Ах, если бы Зои не была столь горда и независима, она бы точно обиделась, но юная драгайна только пошевелила кончиком хвоста и в недоумении пожалала плечиками.

— Ты же не думаешь, что он имел в виду живую змею, настоящую? — Зои задумчиво уставилась в потолок.

— При чём тут это? — Тесей тоже решил, наконец, вставить в разговор несколько слов,

— Какая ещё может быть змея?

— Да! — вскрикнула Ариадна, будто её и вправду кто-нибудь ужалил. — Точно! Созвездие Змеи! Это очень важный знак Аполлона! Змея укусит свой хвост... Ну-ка...

Ариадна повернула рычажок в кресле Дедала, и на потолке мастерской проступили звёзды.

— Та-ак... Что дальше? — Вера так и не поняла ещё, каким образом изучение звёздного неба поможет понять задачу, для решения которой почти не осталось времени.

— Смотрите, — Ариадна стала осторожно поворачивать разные колёсики и рычажки в подлокотниках кресла, звёзды на потолке мерцали, побежали в разные стороны, пока над головами исследователей не установилась картина, которой, видимо, и добивалась Ариадна. — Видите эту цепочку звёзд? Это созвездие Змеи. Вон там — голова, а там — хвост. Попробуем изменить угол зрения так, чтобы... чтобы...

Ариадна снова нажимала какие-то кнопки, поворачивала какие-то рычажки. Звёзды на потолке то удалялись, то приближались... Вера, Тесей и остальные, как замороженные, смотрели на потолок.

Вдруг...

О! Это волшебное, сказочное «вдруг»!

Вдруг между полом и потолком появилось полукруглое светящееся пятно, в котором сначала смутно проступили очертания предметов, очень похожих на инструменты наблюдения за

.....

8. Форминга — древнегреческий струнный щипковый инструмент, лира.

9. Тимпан — древний ударный музыкальный инструмент, похожий на бубен.

звёздами, а потом наши герои отчётливо увидели в открывшемся «окне» помещение вроде Дедаловой мастерской и изумлённое лицо Париса.

Чистая случайность, конечно! Как раз в то время, когда Ариадна пыталась установить лишь ей известное расположение звёзд на потолке мастерской, Парис искал ответы на свои вопросы в обсерватории на горе Корфа. Вот и получилось, что Ариадна как бы случайно поймала сигнал обсерватории — и канал связи заработал. Вере-то как раз такое было не в диковинку. Она привыкла общаться с друзьями и родственниками в Интернете. Но здесь... Хотя бессмертные, судя по её многочисленным наблюдениям, кажется, частенько используют что-то подобное. Чему удивляться?

Но Парис явно не ожидал такого поворота. Увидев прямо перед собой окно в мастерскую Дедала и возбуждённую компанию сотрудников «Минотавра», он сперва удивился безмерно, а потом замахал руками от радости!

Вера! Вера жива и здорова! Вместе с Ариадной! И Тесей с ними! И Икар! А чудеса... подумаешь! Парис и не такого посмотрелся на «Тауресе».

Теперь «полку исследователей прибыло». Парис быстро — насколько это возможно, когда так много необходимо рассказать друг другу! — ввели в курс дела. И работа закипела с удвоенным энтузиазмом. — Ключ? — Парис даже, кажется, ушами пошевелил от умственного напряжения. — Ключ?! А ведь я знаю, где Замók! Есть Замók! Можно к нему подобраться! А Ключ найдём! Он совсем рядом. — Что будет, если Ключом открыть Замók? — тихонько осведомилась осторожная Вера.

— Не знаю. Но узнаю обязательно. Разве ты не чувствуешь, Вера, что кто-то настойчиво ведёт тебя по пути, с которого было бы глупо свернуть? Это твой путь. Неужели ты откажешься от него?

Вера молча кивнула: теперь-то уж точно отказываться глупо.

Они — все вместе — думали-думали, гадали-гадали, прикидывали, рассчитывали, семь раз отмеряли, один — отрезали. С таким же успехом. Пока Вере не пришла в голову ошеломительная идея.

— Нить! Помнишь, Ариадна, какие чудесные вещи ты показывала на площади? Когда мы впервые встретились? Помнишь? Играла музыка! И твои «фебовы очи» работали. Ещё как!

— Да-да... музыка! Точно! — подхватила Ариадна. — Позвать музыкантов? — с готовностью отозвался Тесей.

— Зачем? — Ариадна чувствовала, что умножать количество посвящённых в это запутанное дело было бы неправильно и опасно. — Зои искусно владеет флейтой, у Икара есть неплохая форминга⁸, а Тесею дадим тимпан⁹. Сыграем сами. Уверена — получится!

Инструменты быстро были найдены и принесены.

Сначала Зои поднесла к губам флейту, и в мастерской Дедала зазвучал тоненький голос костяной дудочки, сам похожий на звенящую натянутую нить. Вера слушала мелодию, и ей казалось, что по стенам мастерской бегут витиеватые письмена вроде тех, которыми с ней разговаривал титан Прометей в Нефритовой пещере. «Значит, мы на верном пути!»

Спустя минуту мелодию флейты оттенила форминга, а ещё через мгновение возникший ритм подкрепил и усилил тимпан Тесея. Ах, какая получилась чудесная музыка! Вера по привычке захлопала в ладошки. Парис в обсерватории на горе Корфа — а ему происходящее в мастерской было прекрасно видно и слышно — разулыбался от удовольствия и по примеру Веры стал отбивать такт руками.

Ариадна, словно вспомнив что-то, встала посередине комнаты, закрыла глаза, подняла руки — тыльной стороной к себе, ладошками вовне, точно так, как она делала тогда... на площади...

Два тонких ярких луча вырвались из её ладоней, и, как тогда, прямо в воздухе над ней заскользили очертания причудливых растений и зверей. Нить Ариадны пришла в действие!

— Вера, теперь ты! — закричал Парис, но Вера уже и сама знала, что нужно делать.

Она встала напротив Ариадны и перехватила лучи ладонями. «Фебово око» на её левой ладошке ожило сразу, а на правой сонно затрепетало, замигало, но в конце концов откликнулось на призыв и вспыхнуло так, словно всю Верину жизнь только и дожидалось этой возможности. Все четыре луча соединились, возникший круг пришёл в движение — стал вращаться по часовой стрелке. Между Верой и Ариадной — в их раскрытых и обращённых друг к другу ладонях — образовался прозрачный светящийся шар, в глубине которого виден был серебристый кружок с гравированными на нём знаками. Он становился всё ярче и ярче и стал настолько отчётливо виден, что даже Парис разглядел, что на нём начертано.

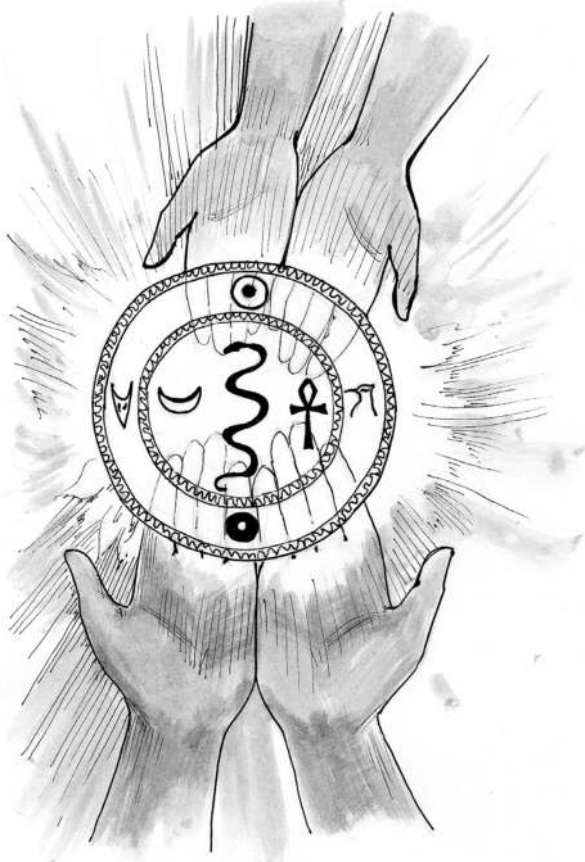
— Это Ключ! — закричал он вне себя от радости и удивления. — Точно такие же знаки я видел на Кинетрии!

— Ключ-то Ключ, — рассудительно заметила Зои, — но как его достать?

— На каком таком Кинетрии? — шёпотом, чтобы не спугнуть чудо, пробормотала Вера. — Точно такие же знаки на щите, закрывающем вход в Элейсон. Там, в Посейдоновых шахтах.

— Так тем более, — Париса подхватило вдохновение. — Вспомни, как вы вошли.

— Дедал... рукой соединял знаки... — Вера изо всех сил старалась вспомнить. — Око находит око, свет обретает свет, отдай жизнь смертную — обрети жизнь вечную... умри, чтобы жить... как-то так...

— А... я понял! — будто очнувшись, воскликнула Ариадна.

Разумеется, Вера тоже мгновенно всё поняла.

Они стали осторожно передвигать лучи, словно нащупывая знаки на Ключе, а Вера при этом думала: как важно всё-таки знать пароль и никогда не забывать его!

Движение за движением, шаг за шагом... световой шар стал бледнеть, рассеиваться, Ключ — наоборот — становился всё ярче и реальнее. Наконец сияние совсем погасло, «фебовы очи» закрылись, и Ключ упал в предусмотрительно подставленные ладошки Зои.

Глава двадцать четвёртая,

в которой рассказывается, как Тесея и Парис стали диверсантами

Трудно описать словами чувство, которое распирало простую душу Париса! Он знал! Да! Он знал, предчувствовал, понимал! Есть Замок, и Ключ найден! Дело за малым — как можно скорее заполучить его в собственные руки.

Конечно, вокруг распоряжения Ключом сразу разгорелся совсем не шуточный спор. Веру по-прежнему терзали сомнения.

— Что будет, если вставить Ключ в Замок? — настаивала она.

— Прометей сказал: верни Ключ «Минотавру», — рассуждала Ариадна. — Зачем? Если бы из-за Ключа случилось бы что-то плохое, он никогда не доверил бы его нам.

— Но Парис не принадлежит «Минотавру». Как, впрочем, и Тесей, — Вера бросила косой взгляд на сидевшего в сторонке «молодого афинского царя». — Ключ без Замка — ничто, — горячился Парис, — он не имеет смысла. Я знаю, где Замок. У меня есть к нему доступ. Лада Афродита сказала, что открыть Замок — значит оживить «Таурус», вернуть ему прежнюю силу. И даже возможность покинуть Гею.

— Как это «покинуть Гею»? — насторожился Икар. — Так, — Парис понял, что болтнул лишнее. — У бессмертных много дел, помимо Геи. Поверьте. — Ага! — не унимался Икар. — Мы должны верить, что ты вдруг сделался настолько своим для бессмертных, что они допустили тебя к обсуждению собственных секретов?

— Ну... не своим, конечно, — замялся Парис. Он всё ещё не был готов открыть друзьям правду. — Но я — ученик Урании. И многому научился. Послушайте! Без Замка добытый столькими усилиями Ключ — бесполезная игрушка. Так что всё равно его необходимо доставить на Тиру. А здесь уж Афродита и Феб Аполлон как-нибудь разберутся, что дальше делать.

— Ну-ну... — хмыкнула Ариадна. — Отчего же сразу не обратиться к Афродите или Аполлону? Да к той же Урании, если... если не хочется по пустякам беспокоить начальство?

— Ой... Ариадна! — Парис наморщил нос с досады. — Как ты не понимаешь? Они же... они же взрослые! Нас же сразу отодвинут и запретят по комнатам, чтоб не мешали! Надо сначала самим попробовать...

— Это правда, — согласилась Вера. — Если сдать прямо сейчас находку бессмертным, наша миссия немедленно будет закончена. Знаете что? Если я и есть Фотинья, значит, мне решать. Беру Ключ и отправляюсь на Тир! Сейчас же.

Все замолчали и уставились на неё — кто с недоверием, кто с надеждой.

— Вера! Мы не можем тобой рисковать, — неожиданно подал голос Тесей. — Посейдон не оставит тебя в покое, значит, морем тебе нельзя отправиться на Тир. Только по воздуху.

— Или трансгрессировать, — вздохнула Ариадна, — а это уже...

— Это смерти подобно! — Икар чуть не задохнулся от возмущения. — Даже опытные, тренированные смельчаки не отваживаются перенести столько трансгрессий подряд, сколько за несколько дней уже пережила Вера! Даже не думайте!

— Трансгрессия, трансгрессия... Что это такое на самом-то деле? — Вера на многое была готова, но всё-таки ей хотелось внести ясность. До сих пор

всякие там «трансгрессии» происходили отнюдь не по её воле.

Ариадна покачала головой, коснулась ладонью лба, достала из ящика небольшой лоскуток пергамента, растянула его на столе, взяла из стоявшего тут же тигля уголёк и намалевала им на пергаменте две жирные точки — сантиметрах пятнадцати друг от друга.

— Найди кратчайшее расстояние между ними! — предложила она Вере, вытерла запачканные уголём пальцы о холщовое полотенце, висевшее рядом на крючке, и выжидающе замолчала.

— Ну... вот, — Вера, не задумываясь, пальцем соединила точки прямой линией, — короче не бывает. — Да? — усмехнулась Ариадна, взяла со стола пергамент и сложила его пополам так, что нарисованные уголём точки совпали — один в один. — Это и есть кратчайшее расстояние. Преодолеваемое мгновенно. Без каких-либо лишних усилий и затрат. Трансгрессия. Переход.

Парис, наблюдавший за ними из обсерватории на горе Корфа, чуть из одежды не выпрыгнул, так ему хотелось вмешаться, но он только крикнул: — Да! Это правда, Вера. Ещё не вся правда, но правда. Свидетельствую.

— Бессмертные это делают легко, — вмешался Икар. — Но для нас каждая трансгрессия — такое тяжёлое испытание организма, что всякий раз требуется много времени и специального ухода, чтобы восстановиться. Ты уже перебрала все допустимые возможности, Вера. Тебе нужно отдохнуть. — Ну ладно, — согласилась Вера. — А по воздуху?

— Нет, — вмешалась Ариадна, — всё равно. Вспомни, Вера, как Посейдон и Афина разыскали тебя в Схоликоне. Тебе нельзя покидать Лабиринт. Это единственное место, где ты в безопасности, — она подумала немного и добавила: — Впрочем, я тоже. — Так, — подытожил Икар. — Какие предложения? — Выходит, отправиться на Тир! Можем только мы с тобой, — подал голос Тесей.

— Да! — подхватил Парис. — Икар, теперь, когда ты знаешь, что Дедал в Элейсоне, что он может в любую минуту — как Вера — оказаться в Лабиринте, неужели ты рискнёшь покинуть Кносс? А Тесея ничто и никто не держит, — тут вздрогнули и Тесей, и Ариадна, но постарались никак не обнаружить волнения, — тем более что Урания и Афродита особенно отмечали его значение в нашем деле... Тесей! Ты готов?

Что оставалось «молодому афинскому царю»? Он пожал плечами, кивнул и, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, произнёс чуть дрогнувшим молодецким баском:

— Да!

И вот он сидит на песке, прислонившись спиной к нагретому солнцем валуну, на том самом месте, где несколько дней назад его, почти бездыханного, обнаружил Парис. Мешок с крыльями валяется

рядом. Ключ, доверенный ему друзьями под стражом всех возможных и невозможных кар, лежит у него на ладони. Тесею ждёт Париса, обещавшего встретить, и старательно рассматривает диковинную вещицу, из-за которой разгорелось уже столько споров, недоумений и страстей.

Ключ — тонкий, но прочный, негнувшийся диск из неведомого Тесею материала — теперь больше всего напоминал пряжку от плаща, и размером почти такой же, он легко помещался на ладони Тесея, можно было даже сдвинуть пальцы, зажать Ключ в кулаке.

Два плоских кольца — одно в другом — соединила посредине извилистая змейка с чёрной дырочкой вместо глаза. От змейки в разные стороны расходились матово поблёскивающие жгутики, к которым были прикреплены золотистые значки, очень изящные, но непонятные. По самим кольцам извивались надписи на незнакомом языке, а под змейкой в небольшом углублении помещался крошечный ярко-красный камень. Тесею рассматривал Ключ и размышлял: «Забавно, что сказал Парис про бессмертных, что они взрослые... А я — не взрослый, что ли? Или Ариадна — не взрослая? Что он имел в виду? Что мы все недостаточно разумны в глазах бессмертных? И даже Икар? И Дедал?»

Чем дольше Тесею вертел Ключ в руках, чем внимательнее рассматривал его, тем меньше хотелось ему расстаться с ним, отдать кому-то... хоть кому... да хоть Парису...

«Почему я должен отдать его? В конце концов, если эта вещь настолько ценная, разве не само собой разумеется, что её необходимо отвезти в Афины, на родину?»

Стоило ему это подумать, как справа от себя он уловил краем глаза какое-то движение. Тесею оторвался от созерцания Ключа, посмотрел на море и увидел бредущую по кромке воды одинокую фигуру в чёрном. Чем ближе подходил незнакомец, чем пристальней Тесею всматривался в него, тем тревожнее становилось у него на душе. Вдруг человек в чёрном остановился, поднял голову и откинул полотно, скрывавшее лицо. Тесею ахнул — перед ним стоял отец, царь Эгей, исхудавший, с растрёпанной желтовато-серой бородой и жалкой сединой, клоками свисающей с висков и со лба. По впалым щекам Эгея катились слёзы, тусклые глаза, казалось, едва различали, что происходит вокруг.

Тесею вскрикнул и бросился к отцу — обнять и утешить. Но руки прошли сквозь Эгея, словно это было облако дыма, а не живой человек. Тесею от неожиданности так и сел на песок — тёмная фигура медленно рассеялась в воздухе, и через несколько секунд от неё не осталось и следа. Но Тесею тут же что-то почувствовал за спиной, обернулся и на том самом месте, где он только что сидел, рассматривая Ключ, увидел Гермеса. Ни больше и ни меньше. Не узнать Трижды Величайшего было

невозможно — всё было при нём: и крылатый шлем, и сандалии, и кадуцей, которым Гермес поигрывал как обычной тростью.

Тесею достаточно долго находился в Лабиринте, бок о бок с «Минотавром», чтобы без лишних переживаний встретить «побудительную мыслеграмму». Но внезапное появление и исчезновение призрачного Эгея до того взволновало его, что при виде Гермеса он чуть не задохнулся от противоречивых чувств, ударивших ему в сердце и в голову. — Добрый сын, нечего сказать, — ядовито ухмыльнулся Гермес. — Так-то молодой афинский царь служит родине!

Тесею нечего было возразить. Он был свободен. Один. Без пленённых Миносом соотечественников. Без Дедала.

Существует ли на свете преступление страшнее предательства?

Тесею стоял перед Гермесом, опустив голову, словно пойманный за руку ворюшка.

А тот, угадав его мысли, приблизился и проговорил вполголоса — так, чтобы задеть в нём самые сокровенные и болезненные струны: — Отец твой умер от горя, не дождавись сына с проклятого острова. Твоя мать, Эфра, — в Аргосе, в плену. Калхас и Агамемнон не сидели сложа руки, пока сыночек Эфры развлекался в Кноссе с врагами народа.

У Тесею ноги подкосились, но он устоял и только закрыл лицо руками. Молодого афинского царя душили слёзы. Он знал, что Гермес прав, и уже готов был мчаться в Акрос, чтобы нанять хоть какое-нибудь судёнышко — и домой, домой... во что бы то ни стало — домой! Даже если придётся расплатиться с моряками единственной пригодной для этого вещицу, которая у него была, — Ключом от Замка, назначение которого было ему неизвестно. — Ты — царь, Тесею, — изрёк Гермес, с нескрываемым торжеством разглядывая убитого горем юношу, — единственный прямой наследник афинского дома. Но пока ты не вернулся в Афины и не предъявил свои права, от желающих эти права оспорить отбою нет и не будет.

— Я уже в пути, — Тесею вскочил: он вспомнил о крыльях, которые дал ему Икар, и потянулся к мешку, лежавшему прямо у ног Гермеса.

— Не торопись, — Гермес помахал кадуцеем перед носом Тесею, — спешка полезна при ловле блох. Думаю, исполнить поручение Афины ты ещё успеешь. А за это и она не оставит тебя без помощи в трудный час.

— Какое поручение?

— Не знаю, Тесею. Афина велела передать тебе это, — Гермес провёл рукой над головой Тесею, и молодой афинский царь вскрикнул — что-то больно кольнуло его в правое ухо.

Тесею инстинктивно прижал ладонь к ужаленному месту — под пальцами слегка шевельнулась

небольшая серьга, на ощупь — явно дорогая, причудливо украшенная, с острыми камешками по влажному, липкому от брызнувшей крови ободку. — Тебе предстоит, — удовлетворённо хмыкнул Гермес, — попасть в святилище, захваченное врагами Афин, и освободить его.

— Я сделаю это! — воскликнул Тесе́й.

В эту минуту он, кажется, готов был с любым чудовищем сразиться...

Но «побудительная мыслеграмма» вдруг побледнела, покрылась пятнами и волнами, задрожала и исчезла, а Тесе́й услышал: кто-то громко зовёт его по имени — глуховатым, но странно знакомым голосом.

Со стороны горы Корфа к нему приближалось невиданное существо — огромного роста и с птичьей головой.

Тесе́й расправил плечи, приготовился к битве, хотя никакого оружия при нём не было, и в этой схватке он мог разве что погибнуть героически... Но что это? Противник, быстро приближаясь, приветственно размахивал руками и орал что есть мочи:

— Тесе́й, Тесе́й! Это я — Парис. Не удивляйся и не бойся!

Да уж... не многовато ли для одного — вот так подряд?..

Через полчаса они уже сидели в любимом обителище Париса — в храме Созерцания: Парис — сам по себе, а Тесе́й — в «пузыре», как называл это приспособление Феб Аполлон.

Не стану, читатель, утомлять тебя подробностями этого невозможного разговора, но Тесею всё же удалось убедить Париса в том, что если он сам, Тесе́й, не попадёт на «Таурус», то Ключ никому не отдаст. Даже Парису. Вот!

Парис, конечно, мог бы одним щелчком обездвигить Тесея и забрать Ключ. Мог, да не мог. Его чувствительное совестливое сердце не позволяло обидеть друга. Так и случилось, что вот уже стоят они вдвоём перед входом в зал, где находится Кинетрий, — Парис в своём новом обличе, отличавшемся от прежнего лишь огромным по сравнению с людьми бессмертным телом, и Тесе́й — в «пузыре», без которого на «Таурусе» не протянул бы и пяти минут.

Парис знал, как войти, но смутное чувство неизбежной ошибки, неверного, предельно опасного шага удерживало его. Да, Тесе́й ведёт себя странно. Мало того, что «молодой афинский царь», оказавшись на «Таурусе», не выказал ни малейшего удивления, словно путешествовать по огромному, даже с точки зрения бессмертных, святилищу было для него привычным делом, Парис видел, что Тесе́й и без его помощи прекрасно ориентируется во всех этих коридорах, туннелях, галереях и переходах.

«Ну да... конечно, — успокаивал себя Парис, — ничего особенного: Тесе́й уже столько времени

провёл в Лабиринте, а ведь все лабиринты Геи — и Зевсов на Крите, и Посейдоновы шахты, и Гиперборейские сады, и даже Элейсон — построены по образу и подобию „Тауруса“. Только наполнены — каждый по-своему. Урания рассказывала об этом...»

Добрый, доверчивый Парис не знал, что всеми действиями Тесея с самого момента их встречи на берегу управляет Афина — через крошечный кусочек металла, вживлённый царевичу в ухо. Тесе́й говорил и двигался как во сне. Парис это заметил, но не мог понять причины и в конце концов решил, что эти странности — результат непостоянной умственной нагрузки, свалившейся на голову Тесея за последние несколько дней.

— Вот мы и на месте, — Парис, насколько мог, наклонился к Тесею, чтобы посмотреть ему прямо в глаза. — Давай Ключ. Теперь он тебе точно не нужен.

— Сначала войдём, — ответ Тесея, казалось, не предполагал возражений.

И... вот что значит внушение! Парис почувствовал, что должен повиноваться!

Бессмертный, наделённый всеми дарами «Тауруса», корабля-странника с его искусственным, но почти божественным интеллектом, должен был беспрекословно подчиняться человеку! Впрочем — разве человеку? Афина была вне себя от радости и гордости за собственное искусство! Она добилась своего — проникла на «Таурус» и теперь могла точно так же, как Аполлон и Афродита, давным-давно лишившие её этой возможности, управлять кораблём. Через слабое неказистое орудие — афинского юношу с невнятной судьбой, но тайно и надёжно. Тем более что Парис был ещё так неопытен и незащищён... подчинить мальчика своей воле теперь не составляло труда. Лишь бы другие бессмертные, охраняющие «Таурус», не вмешались раньше времени! Чего ещё желать?

Парис, не раздумывая, механически, набрал код на панели у входа — теперь он знал, как сделать видимыми входные знаки и в какой последовательности к ним прикасаться. Два красных, белый, зелёный.

Достаточно было шага — и мальчик прямо перед собой увидел Кинетрий, пылающий холодным пламенем, которое одновременно и стремительно вращалось, образуя бездонную воронку, и оставалось неподвижным.

А Тесе́й внезапно почувствовал удушье, покачнулся и упал навзничь, не успев даже сообразить, что «пузырь», который защищал его от излучения «Тауруса», исчез, будто его и не было. Пальцы, сжимавшие Ключ, разжались, и драгоценная вещица, подпрыгнув от удара Тесеевой ладони об пол, выкатилась на матово мерцающую поверхность.

Парис как будто даже не обратил внимания на то, что старший друг его лишился чувств и умрёт

через минуту, если не прийти ему немедленно на помощь. Он весь был во власти Афины, которая, пользуясь бездыханным Тесеем как передатчиком, нашёптывала питомцу Афродиты, что делать. Парис поднял Ключ, повернул его лицевой стороной в направлении Кинетрия, прижал пальцем змейку, чуть сдвинув её, так что она почти полностью ушла в углубление под красным камнем — камень вспыхнул, из него вырвался яркий тонкий луч, который тут же заскользил по щиту, пока не угодил точно в середину Кинетрия, в сердцевину полыхающей ледяной воронки. Ключ мгновенно раскалился добела, так что Парис вынужден был отбросить его. Ключ сначала просто завис перед Кинетрием, а потом, неторопливо переместившись и увеличившись до нужного размера, аккуратно ввинтился в центр щита, закрыв собой воронку. Теперь знаки на кольцах Ключа и знаки на щите Кинетрия вместе образовали причудливую надпись, похожую на шифр.

Что-то загудело, замигали огни, поверхность под ногами Париса задрожала...

— Теперь, — Парис испуганно озирался, но всё-таки продолжал выполнять команды Афины, — подойди ближе к Кинетрию...

Парис приблизился и начал собственной тёплой ладонью, не касаясь щита, но чувствуя кожей его вибрирующее ледяное покалывание, соединять знаки Ключа и щита... так... так... вот так и вот так...

Щит и Ключ пришли в движение — стали всё быстрее вращаться в противоположные стороны.

Парис услышал громоподобный хохот. — Сделано! — прогремел торжествующий голос Афины.

И всё затихло. Многомудрой Палладе больше нечего было делать на «Тауресе», и она покинула обречённый корабль с чувством исполненного долга. Эту партию «технократы» выиграли!

Глава двадцать пятая,

*в которой гибнет царство Миноса,
а Вера возвращается домой*

Эх, Сашка, Сашка... Парис Александр... что же ты наделал?

Всем телом припав к невидимой плёнке, растопырившись на ней, как прилипший к паутине мотылёк, Парис глядел вниз — на гигантские клубы огня и дыма, со всех сторон охватившие гибнущий остров, который только что был полон жизни — зелени, цветов, щебета птиц, жужжания и стрёкота насекомых... И вот ничего этого нет!

Прозрачная капсула — «пузырь» — поднимала Париса всё выше и выше, но он всё ещё различал огненные трещины, расплывшиеся по склонам Корфы, словно кровавые раны, чёрные провалы на месте оливковых и миртовых рощ... Он не мог слышать, как кричит Тира — мириадами голосов

живых созданий, погибающих вместе с ней. Но всё его существо корчилося и содрогалось — и от безмерного ужаса и сострадания, и от переживания чудовищной вины, неизбывной, как сам этот ужас.

Как же это случилось, Парис? Как ты мог довериться Тесею? Ведь ты же чувствовал, что тот себе не принадлежит... Эх, если бы ты знал...

Но ведь не знал, не знал!

Не знал, что Ключ не только оживляет Кинетрий, двигатель огромного космического корабля, возвращая святилищу и пристанищу бессмертных способность перемещаться на любые расстояния во Вселенной, но и запускает самоуничтожение. Для этого надо только ввести специальный код. Это было предусмотрено командой «Тауруса» на случай безвыходных обстоятельств, когда никак иначе нельзя было избежать ещё большей беды. Афина, Гера и Посейдон не могли допустить, чтобы бессмертные покинули Землю. Да, Теос Зевс отстранил их от управления «Таурусом», но это не значило, что их оставили бы на Земле. Нет! Они не хотели возвращаться на Тэрру. Они мечтали, чтобы весь видимый и невидимый мир стал Тэррой. И что для них значило стереть царство Миноса с лица Земли — вместе с Лабиринтом, «Минотавром», Схоликоном и всеми островами Срединного моря?! Они придумали игру, втянули в неё остальных и заставили всех играть по своим правилам. И ты, Парис Александр... на тебя так надеялись твои высокие покровители и друзья! А ты не смог. Не оправдал. Не догадался.

Да, малыш... С твоей помощью эту партию «технократы» выиграли...

Спасательная капсула уносила Париса с места катастрофы. «Таурус» за миллионы земных лет оброс каменной корой, которая со временем вздыбилась горами, покрылся почвой, породившей разнообразный растительный мир, превратился в цветущий остров, оставаясь в глубинах своего подземелья изодрённой разумной машиной, приспособленной бессмертными к собственному уюту и безопасности... И вот — из недр острова, из самого сердца «Тауруса», со скрежетом и грохотом вырывались раскалённые камни, искорёженные куски металлических конструкций, брызги и струи расплавленного металла... всё это, окутанное чёрным и рыжим дымом, выбрасывалось так высоко, что едва не захлёстывало уплывающие в небо «пузыри», в которых кричали, плакали и бились в рыданиях бессмертные, успевшие спастись.

Когда Парис смог, наконец, оглядеться, то увидел поднимавшуюся с такой же скоростью капсулу Гефеста... настолько близко, что мог рассмотреть искажённое страдальческой гримасой лицо мастера. Поджав под себя ноги, зависший внутри «пузыря» Гефест удерживал на весу небольшой свёрток, похожий на спелёнатого младенца.

Презвозяга дрожа, Парис попытался разглядеть, что это. Лицо «младенца» было покрыто чем-то полупрозрачным, однако Парис понял—Гефест вытащил и Тесея. Правда, в бессознательном состоянии, но ведь живым! Живым!!!

Остров Тира низвергался в бездну, выталкивая из неё чудовищной силы волну, которая со скоростью урагана мчалась в сторону заходящего солнца и уже готова была обрушиться на Крит.

Вера почувствовала первый толчок, когда занималась своим любимым делом: при помощи заострённой ясеневой палочки и плоски чернил пыталась перенести на кусок пергамента, натянутого на деревянную рамку, очертания центральных фигур фрески в одном из нижних ярусов Лабиринта. Треножник, к которому прикреплена была рамка, сначала резко качнулся... Рисунок на холсте размазался, но Вера даже не успела возмутиться... пол и стены задрожали крупной дрожью, а потом—р-р-раз... и ещё—сильнее... р-р-раз... так что древняя краска посыпалась со стен... — Что это?!

И тут же—истощный вопль Ариадны:
— Беги, Вера! Наверх, скорее!
— Что случилось?

Р-р-раз! Словно гигантским дрыном ударили снизу и в бок...
— Не спрашивай! Беги!

Бросив треножник, палочку и краску, Вера метнулась к ближайшей лестничной площадке, откуда ступени вели наверх. Пока она бежала по лестнице, Лабиринт наполнялся шумом: что-то скрипело, трещало, с грохотом падало, кто-то кричал, кто-то нечленораздельно верещал, пищал и лаял—наверное, дактили пытались вывести животных из вивария. Во всей этой неразберихе Вера слышала отчётливо только голос Ариадны:

— Беги, Вера! Быстрее, быстрее беги наверх!
— Что случилось?
— Не знаю. Подземные толчки.

— Ты где, Ариадна? Сама-то где?—Вера влетела в мастерскую Дедала, откуда можно было выйти прямо на галерею башни Паратирис.

В мастерской было на удивление пусто и тихо. Словно всё вокруг замерло—даже звуков, которые всегда доносились с галереи, не было слышно. Вера остановилась посреди зала, в котором ещё вчера была раскрыта тайна Ключа.

— Никуда не уходи, Вера,—голос Ариадны дрожал, но Вера всё поняла бы и без слов.

Случилось что-то ужасное. Неужели? Неужели мы ошиблись? Но—как? Что всё-таки произошло? — Не ошибка,—мысль Ариадны больно ударила Вере в висок,—предательство! И наша, наша вина! Теперь ничего не поделаешь. Надо спасти кого ещё можно. А ты просто жди. За тобой обязательно придут.

— Ариадна, я с тобой!—чуть ли не вслух закричала Вера.— Ты где?

— Говорю же, оставайся на месте. Это лучшее, что сейчас ты можешь сделать.

Вера кинулась было на галерею, но вдруг почувствовала такую слабость, что смогла только бессильно опуститься на Дедалово кресло-качалку и в отчаянии закрыть лицо руками.

Её захлестнули смутные образы—отголоски того, что сию минуту видела и переживала Ариадна: мелькающие тут и там испуганные, заплаканные, растерянные и разгневанные лица, силуэты кентавров и грифонов, которые переплетались друг с другом и снова распадалась, словно терзаемые ураганом ветки деревьев... полуразрушенные зубцы галереи и стаи чёрных птиц, мечущихся кругами над Дворцом... северные ворота Схоликона раскрыты настежь... все бегут... Куда? Зачем?

Землетрясение? Но почему бессмертные не предупредили? Не могли же всеведущие и всемогущие не знать и заранее не побеспокоиться о подданных Миноса?

И тут её словно током ударило: Тира! Как же Тира?! Что с Парисом? Неужели это он?... предатель? Нет! Он просто такой доверчивый... А Тесей? Он просто такой слабохарактерный... Афина! Конечно же... Как же мы не догадались? Уж кого-кого, а Тесея нельзя было отпускать на Тиру... да ещё с Ключом, о котором мы ничегошеньки не знаем, кроме того, что он зачем-то нужен бессмертным—и тем, и этим, как оказалось.

— Да, я помню... ты с самого начала была против...—Ариадна мучилась нестерпимым чувством вины, но это чувство ничуть не поколебало её гордость.—И всё же это ничего не значит! Может быть, ещё можно исправить...

Тут в лицо нашей героини повеяло теплом—совсем близко. Она опустила руки на подлокотники кресла, открыла глаза. Прямо перед ней, опираясь на серебристую трость с навершием в виде головы быка, стоял высокий человек с белоснежной бородой, волнистыми прядями спадавшей на грудь, и копной седых кудрей над высоким лбом.

— Теос!—расслышала Вера изумлённый шёпот Ариадны.—Это сам Зевс, Вера. Ах, как жаль! Похоже, наша сказка и вправду подошла к концу... — Какая сказка?—в свою очередь удивилась Вера.

Но тут заговорил Зевс.
— Конец,—усталым, даже чуть надтреснутым голосом произнёс капитан «Тауруса»,—двадцать пятый уровень. Дальше только последний ход. Твой ход, упрямая Вера, искательница смысла и хранительница света. Выбирай: чёрное или белое?

— Белое,—ни на мгновение не задумалась Вера.
— Не торопись, думай,—прикрикнула на неё Ариадна, видимо, всё ещё питавшая надежду на продолжение.

полосы, виднелись выпуклые зёрнышки лодок, беспомощно завалившихся набок. Море отступило, но с той стороны, куда оно так неожиданно откатилось, на город, закрывая небо, надвигалась чёрная стена, в толще которой бесшумно вспыхивали белые молнии. Действительно ли было так тихо, что Вера слышала лишь стук собственного сердца, или у неё просто в этот момент отказали все чувства, кроме невероятно обострившегося зрения,—но оттуда, из города, где метались охваченные ужасом жители Кносса, до башни Паратирис не доносилось ни звука.

Десятки полупрозрачных сфер-«пузырей» беззвучно парили над Дворцом. Внутри каждого Вера могла различить тёмные силуэты—людей? бессмертных? Несколько грифонов кружились вровень с нижними галереями Дворца, подхватывая перепуганных минойцев одного за другим и унося их куда-то за город, подальше от моря.

Парис, конечно же, спасся... его спасли! Конечно. Иначе и быть не может. Он—на Тире. Да. На горе Корфа. Там же высоко. Там нимфы, музы... там бессмертные. Конечно. Его спасли, спасли.

Только когда волна, закрывшая небо, кипящая бурой и розовой пеной, влачащая на себе огромные обломки скал, стволы вырванных с корнями деревьев, какие-то колёса, куски разбитых статуй, с непостижимой разуму силой ударила в каменную стену башни, Вера услышала гул—странный гул, не похожий ни на что, когда-либо слышанное ею прежде. И тогда до неё дошло, наконец: острова Тира больше нет. Все, кто находился там, погибли. Все. Вере показалось, что сердце у неё остановилось. Она вдруг увидела себя глазами Ариадны—съежившуюся в непроглядной сырой тьме на краю стены, в которую хлещет вода...

Вера беспомощно огляделась—справа, внизу, там, где ещё виднелись ступени лестницы, ведущей на нижний ярус галереи, мерцал слабый, но быстро приближающийся луч света... и тут же до неё донёсся прерывающийся голос Ариадны: — Вера! Отзовись!

— Я здесь,—закричала Вера и потянулась было на голос, но вдруг прямо над её головой разверзлась огромная водяная воронка. Вера бросилась навстречу Ариадне. Та бежала, путаясь в мокром подоле своего длинного платья, спотыкаясь, протягивая к Вере обе руки, словно пытаясь удержать её на краю страшной дыры, которая, гудя и отсвечивая красным, затягивала нашу героиню. В какой-то момент Ариадна поняла, что всё напрасно. Веру не удержат. Ветер времени неотвратим.

— Помни, Вера, помни, кто ты!!!—что есть силы кричала Ариадна.—«Минотавр» помни!

«Помни, кто ты»,—услышала Вера, чувствуя, как её захлёстывают тугие струи и непреодолимая сила пеленает по рукам и ногам...

«Помни, кто ты!»

— Принято,—тяжело усмехнулся Зевс.—Красное или зелёное?

— Не торопись,—горячо прошептала Ариадна.

— Зелёное,—чуть помедлив, решительно выбрала Вера.

— Ну что ж...—Зевс тоже помедлил.—Сгореть или утонуть?

Тут только Вера поняла, что происходит... Её готовят к чему-то... окончательному...

— Ничего нельзя изменить,—услышала она прерывающийся голос Ариадны,—«Таурус» уничтожен. Другого объяснения нет. Оставайся на месте! Бегу к тебе!

— Ну?—Зевс выжидающе поднял бровь.

— Утонуть...—Вера вспомнила, с какой лёгкостью она до сих пор проходила сквозь воду...

— Ну что ж... иди и смотри!

Вера пошла и стала смотреть.

Полог, закрывающий вход на галерею, откинуло неожиданным порывом ветра, и Вера оказалась на том самом месте, откуда несколько дней назад отправилась с Икаром летать над Кноссом. С высоты, пожалуй, двадцатого этажа—если применить меру, к которой Вера привыкла у себя дома, в двадцатом первом веке от Рождества Христова, и уже начала отвыкать,—она видела кудрявые кроны деревьев, кубики прилегающей к Дворцу застройки, пристань и краешек моря... Только—что это? Там, где несколько часов назад солнечные блики переливались на водной глади, теперь вместо блеска воды темнели бурые пятна, какие-то серые и чёрные

Вера ещё раз дёрнулась, всем телом потянувшись к Ариадне... и потеряла сознание.

Эпилог

Вера сидела на балконе и смотрела то вниз—на песочницу, где под присмотром мам и бабушек копошилась малышня, то по сторонам—на голубей, которые, хлопая крыльями, слетали с крыши и возвращались обратно. По лицу её всё ещё стекали солёные капли—то ли слёзы, то ли морская вода. Она всё ещё не верила собственным глазам и прочим чувствам: всё позади? я—дома? И всё ещё, всё ещё сердце колотилось так, что, кажется, сию минуту выскочит из груди.

— Что это было?—ни к кому не обращаясь, спросила Вера и сама себе ответила:—Память... просто память... ну... скажем так: изрядно одобренная твоим безудержным воображением.

Ариадна! голос Ариадны! Из чьей-то странной фантазии? Из прошлого? А может быть, она и раньше, и всегда была с ней, только Вера не обращала внимания?

— Выходит, я всё это... сама придумала? От скуки?

— Чтобы что-то придумать, надо сначала кое-что об этом знать.

— А ты?—Вера снова закрыла глаза и постаралась представить лицо Ариадны, такое родное и такое далёкое.—Что происходит с тобой сейчас?

— Я—это ты,—засмеялась Ариадна.—Все вопросы—к самой себе, моя дорогая. Царство Миноса погибло почти пять тысяч лет назад. А всё, что мы тогда пережили,—большой секрет, не так ли? Посмотри вокруг: разве ничего не изменилось? Совсем-совсем?

Вера снова глянула вниз: низкие кустики под балконом всё так же робко зеленели, почки на них

лопнули, кажется, только вчера; чирикали птички, воробышек—тот самый?—безучастно перелетал с ветки на ветку старого тополя, сгорбившегося над окнами Вериной комнаты, откуда доносились голоса мамы и бабушки... всё то же самое... как всегда... как обычно...

По асфальтовой дорожке, едва подсохшей после вчерашнего дождя, несколько раз—туда и обратно—промчался белообрый подросток на электро-самокате. Он явно никуда не спешил, просто катался... Эх, какой мальчишка не любит быстрой езды?!

Вера отвернулась было, но парень на очередном «вираже» вдруг помахал ей кепкой, разублаившись во всю ширь загорелого лица... на кепке красовалось изображение бычьей головы, и Вера чуть не вскрикнула:

— Парис!

— Не обольщайся!—осадила её Ариадна.—Мало ли что покажется от избытка впечатлений...

Вера вздохнула, шмыгнула носом, утёрла соплю и слёзы рукавом футболки...

— Ну и что? Как теперь быть? Кто виноват, и что делать?

— Ничего. Быть по ходу жизни. Кто виноват—рано или поздно разберётся. А что делать? Встань, возьми книгу, прочти внимательно—каждое слово, от начала до самого конца... иначе ничего не поймёшь! Очень важно—понять, что написано. Чтобы—в случае чего—знать, по крайней мере, что имеешь право на сомнение

— Какую книгу?

— Любую!

Вера посмотрела на стул, на котором, помнится, оставила «Мифы Древней Греции». На стуле—книга. Вроде бы та же самая. Только надпись на обложке—другая:

«Αποκάλυψη του Ιωάννη»¹⁰.

.....
10. «Откровение Иоанна».